

УДК 343.97:328.185

Р.Р. ГАЗИМЗЯНОВ,

кандидат юридических наук, полковник полиции

ФБУ «Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России»

КОРРУПЦИОННЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИМ: АНАЛИЗ ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК

В статье описываются и объясняются результаты социологического исследования, проведенного автором летом 2011 г., по вопросам противодействия коррупции в сфере реализации приоритетных национальных проектов в Республике Татарстан. Полученные результаты позволяют совершенствовать систему мер противодействия коррупции в республике при реализации приоритетных национальных проектов.

Противодействие коррупции является одной из приоритетных задач деятельности правоохранительных органов в Республике Татарстан. Об этом свидетельствуют публикации представителей органов государственной власти и институтов гражданского общества в республиканских средствах массовой информации. В целях объективной оценки реального положения дел в этом направлении в середине июня 2011 г. нами был проведен опрос специалистов, занимающихся выявлением и расследованием коррупционных преступлений из числа сотрудников правоохранительных органов по специально разработанной для этого анкете. Всего было опрошено 43 человека – сотрудников УБЭП МВД по Республике Татарстан, стаж профессиональной деятельности которых в подразделениях по противодействию экономическим преступлениям превышал 5 лет. В результате обработки анкетных данных нами были получены следующие результаты.

Большинство опрошенных нами экспертов уверены, что уровень реального состояния коррупции при реализации национальных проектов очень высок и не может быть объяснен официальными статистическими показателями, о которых они осведомлены. Лишь 20,9% опрошенных посчитали уровень латентности коррупционных преступлений в этой сфере ниже 50%, остальные 79,1% считают, что уровень латентности значительно выше 50%.

С учетом личного опыта опрошенных им было предложено дать характеристику личностным

данным коррупционных преступников, совершающим преступления при реализации приоритетных национальных проектов. В 74,4% ответов опрошенные указали на мужчин коррупционеров и только 25,6% – на женщин. По возрастной характеристике наиболее коррумпируемыми респонденты считают возрастную группу от 30 до 40 лет – 53,5%, далее идут лица в возрасте 40–50 лет – 27,9%. По месту жительства, по мнению экспертов, коррупционеры чаще проживают в городе (74,4%) и лишь 25,6% – в сельской местности. По семейному положению 74,4% – лица, состоящие в браке и лишь 25,6% – не состоящие в браке. По уровню образования эксперты подсчитали, что 88,4% – это лица с высшим профессиональным образованием. По должностному статусу 65,1% – это должностные лица – руководители органов государственной власти и/или органов местного самоуправления. Государственные и муниципальные служащие – 25,6%. Из них не имеют судимости 86,8%.

При рассмотрении вопросов причинного комплекса криминального коррупционного поведения государственных и муниципальных служащих эксперты пришли к выводу, что наиболее распространенной правовой причиной такого поведения выступает неоднозначность и противоречивость многих законодательных норм, открывающая множественные коррупционные «лазейки»: на это указали 53,5% опрошенных. На втором месте оказался такой фактор как существование

многочисленных пробелов в законодательстве, определяющем «прозрачность» управленческой деятельности, связанной с организацией финансовых, прежде всего бюджетных потоков – 41,9% опрошенных. К тому же, на вопрос: «Каковы, на Ваш взгляд, социально-экономические причины и условия коррупционной преступности, совершаемой при реализации приоритетных национальных проектов?», большинство экспертов (53,5%) указали на политическое лоббирование, имеющее целью принятие законов, нужных конкретным и четко определенным группам деловых интересов. На втором месте оказался такой фактор, как появление достаточно представительного слоя людей, имеющих сверхвысокие доходы и, следовательно, свободные деньги, которые могут широко использоваться для подкупа – 27,9% опрошенных. На третьем месте оказался такой фактор, как «отсутствие эффективной рыночной конкуренции, позволяющее получать необоснованные сверхдоходы». На него указали 20,9% респондентов. Опрошенные нами эксперты дополнительно указали и на не предусмотренные анкетой факторы, способствующие коррупционным проявлениям при реализации национальных проектов – «отсутствие прозрачности доходов чиновников» и преобладание «телефонного права» над реальным.

Среди социально-психологических и морально-нравственных факторам криминального коррупционного поведения при реализации национальных проектов респонденты на первое место поставили «психологическую готовность значительной части населения к подкупу государственных служащих для реализации как законных, так и незаконных интересов» и «многовековые традиции мздоимства и лихоимства на государственной службе в России», по 38,2% каждый. На втором месте оказался такой фактор, как «крайне низкий, субъективно воспринимаемый риск быть привлеченным к ответственности за совершение коррумпированного деяния» – 23,3%. На третьем месте оказались сразу два фактора с равным количеством набранных голосов – «относительно невысокий уровень правовых знаний населения, ставящий его в условие повышенной зависимости от государственных служащих» и «традиционно терпимое общественное отношение к взяточдателю», по 18,7% каждый. Респондентами допол-

нительно был указан и такой социально-психологический фактор, как «отсутствие принципов морального соответствия занимаемой должности чиновника».

В качестве основных факторов, мешающих профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов в противодействии коррупции, ими особо отмечены два фактора: «несовершенство уголовного законодательства» и «несовершенство уголовно-процессуального законодательства», соответственно по 44,2% каждый. На втором месте оказался такой фактор, как «низкий уровень взаимодействия правоохранительных и контролирующих органов» – 27,9%. На третьем – фактор «низкий уровень взаимодействия правоохранительных органов между собой» – 7%. В качестве иных факторов респонденты указали на «низкий профессиональный уровень сотрудников следственных подразделений» и «низкую заинтересованность других оперативных подразделений органов внутренних дел в выявлении коррупционных преступлений». Указанные выше факторы, по сути, являются организационно-управленческими и свидетельствуют о низкой степени координации деятельности государственных правоохранительных и контролирующих органов. Об этом, в частности, свидетельствуют и другие вопросы анкеты.

На вопрос о влиянии организационных факторов на качество профессиональной деятельности по выявлению коррупционных преступлений в сфере национальных проектов большинство опрошенных на первое место поставили «слабое взаимодействие с контролирующими органами» – 39,5%. На втором месте «слабый обмен информацией между подразделениями, осуществляющими борьбу с преступностью» – 32,6%. На третьем месте оказался такой фактор, как «конкуренция правоохранительных органов по вопросам борьбы с преступностью» – 23,3%.

В качестве предложений и рекомендаций по повышению эффективности деятельности подразделений органов внутренних дел по выявлению и раскрытию коррупционных преступлений, совершаемых при реализации приоритетных национальных проектов, опрашиваемые предложили следующее. Во-первых, изменение оценки профессиональной деятельности сотрудников и подразделений БЭП – отказ от «палочной систе-

мы» – 79,6%. Во-вторых, повышение эффективности взаимодействия между правоохранительными и контролирующими органами – 32,9%. В-третьих, упрощение процедуры получения необходимой для профессиональной деятельности информации от налоговых и банковских органов и учреждений – 27,4%. В-четвертых, совершенствование правового регулирования по созданию эффективных механизмов учета и контроля за расходованием денежных средств, поступающих на реализацию национальных проектов – 25,2%. В-пятых, разработка инновационных технологий по выявлению и документированию коррупционных преступлений при осуществлении электронных торгов (тендеров) – 11,7%. В-шестых, организация и осуществление повышения квалификации сотрудников БЭП по вопросам противодействия коррупции, в том числе при реализации национальных проектов – 11,5%. В-седьмых, повышение мотивации профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел, осуществляющих противодействие коррупции – 8,1%. В-восьмых, совершенствование

действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства в целях повышения эффективности в борьбе с коррупционными преступлениями – 7,5%.

Проведенный нами социологический опрос специалистов позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, коррупция при реализации национальных проектов носит в значительной мере латентный характер. Во-вторых, основной причиной такого положения дел является совокупность социально-психологических, организационно-управленческих и правовых факторов, снижающих эффективность борьбы с этим явлением. В-третьих, для изменения положения к лучшему и повышения эффективности противодействия коррупции при реализации национальных проектов необходимо отказаться от «палочной системы» оценки деятельности подразделений по противодействию коррупции и обеспечить качественное взаимодействие правоохранительных органов как с контролирующими органами, так и между собой.

В редакцию материал поступил 11.10.11

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, причины коррупции, приоритетные национальные проекты.
